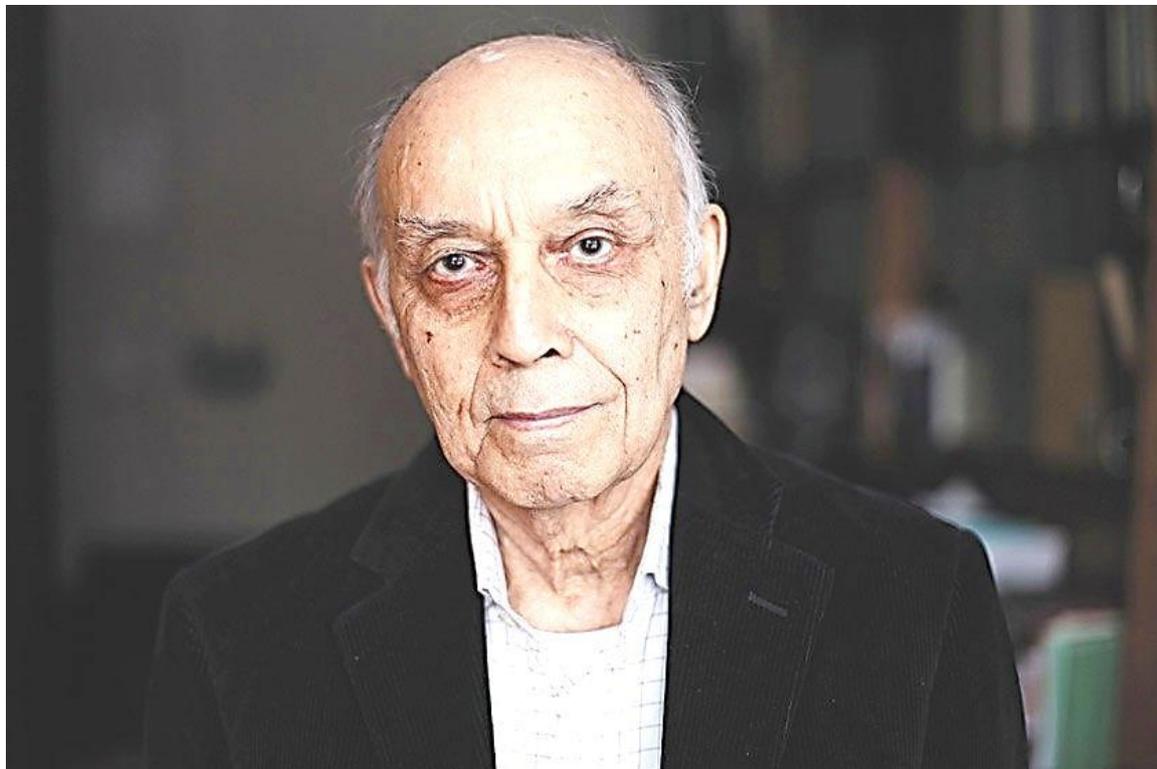

2. УЧАСТЬ ПРОГРЕССОРА

*Клейн Л.С. ТРУДНО БЫТЬ КЛЕЙНОМ:
АВТОБИОГРАФИЯ В МОНОЛОГАХ И ДИАЛОГАХ.
СПб., Нестор-История, 2010. 730 с. ¹, ил. ²*

*Лев Самуилович Клейн в своём рабочем кабинете. 2010-е годы.
Архив автора.*

*«... Я судьбу его нынче вспомнил,
я искал в ней скрытого толка,
но единственное, что я понял:
жить в России надобно долго».*

*В.Н. Корнилов.
Памяти Александра Бека.
1986 год.*

Не раз говорено, что личная жизнь учёного, перипетии его биографии неинтересны для истории науки. Для неё главные события в этой жизни — те

¹ На самом деле в книге 724 страницы, включая последнюю — так называемую техническую.

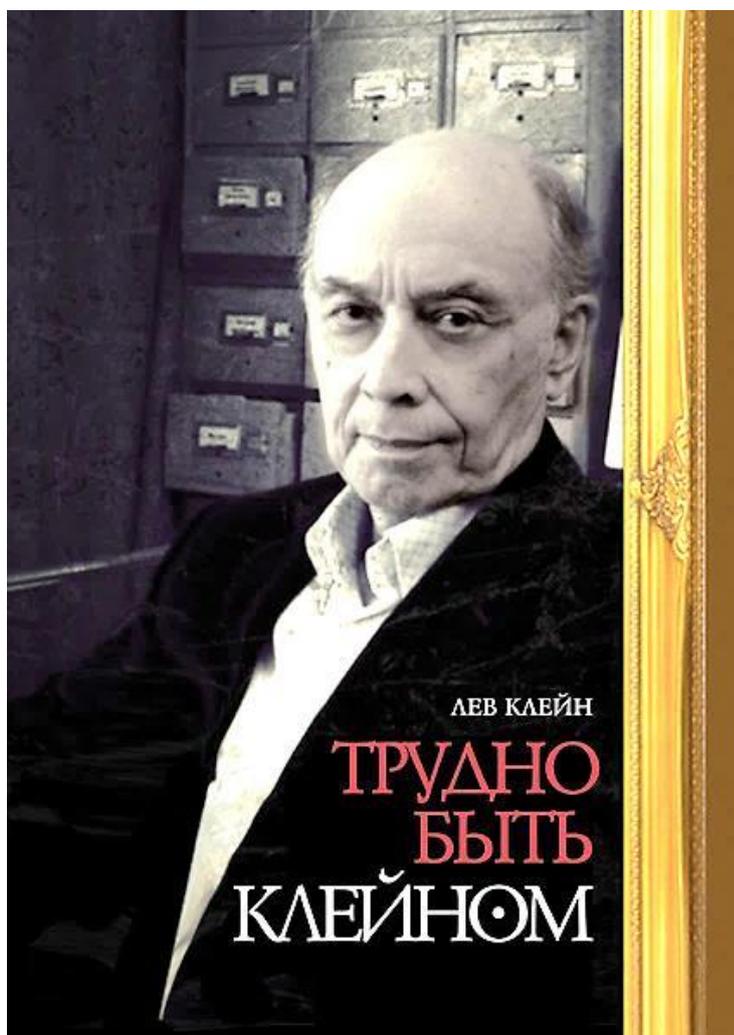
² Первая публикация: *Щавелёв С.П. Участь прогрессора (Л.С. Клейн. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., Нестор-История, 2010. 730 с.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб. – Красноярск, 2012. С. 193–201. Здесь перепечатывается с отдельными поправками, возникшими благодаря авторизации отзыва его персонажем.*

мысли, что приходили ему в голову; решающие поступки — те работы, которые он написал. Эта правильная, в общем, теза нуждается в нескольких оговорках. Во-первых, история науки — часть истории культуры, а эта последняя включает в себя не только идеографические, но и биографические материалы. Не только вечное, но и личное. Во-вторых, жизнеописания учёных интересны не только профессиональному историографу, но и довольно широкому кругу мыслящих читателей. Биографии, мемуары, эпистолярная, прочие материалы личных архивов пользуются устойчивым спросом на книжном рынке, даже сегодня, когда бумажные тексты вытесняются экранными изображениями. Впрочем, не меньшими темпами растёт и мемуарно-биографический пласт Интернета. В-третьих, жизнь некоторых исследователей моментами выходит за стены кабинета и лаборатории, выводит их на авансцену политики, общественной жизни. Наконец, в-четвёртых, наверное, «есть тонкие, властительные связи меж» судьбой человека науки и его занятиями ею. Их почти всегда трудно установить, но не зря же, допустим, историк-анналист Марк Блок участвовал в Соппротивлении и погиб в гестапо, а наш археолог Сергей Павлович Толстов (из казаков) после приказа о демобилизации ополченцев с учёной степенью отказался покинуть фронт и, остановив наших бежавших под Москвой солдат, заставил их ударить по наступавшим немцам контратакой... Не менее драматичные коллизии возникали в жизни многих учёных и в гражданских, на поверхностный взгляд мирных условиях.

Лев Самуилович Клейн — петербургский гуманитарий широкого профиля (в первую очередь археолог и историк, но затем и антрополог, этнолог, социолог, филолог, историограф, публицист, колумнист) — вполне удовлетворяет всем затронутым признакам автобиографизма. В его судьбе, кроме занятий наукой, случалось всё — «от тюрьмы до сумы», согласно мудрой русской пословице (учёба с преодолением пресловутой «пятой графы», затруднявшей высшее образование и последующий карьерный рост в академических структурах для евреев; война, тюрьма, лагерь; изгнание из науки и возвращение в неё). Всё это преодолено и осмыслено благодаря сверхчеловеческой стойкости самого мемуариста и широте души кое-кого из его знакомых. На наше читательское счастье, у автора незаурядный литературный талант, житейская мудрость философа, вдумывающегося в поток жизни. Поэтому получились не узкосемейные воспоминания рядового специалиста, а брошен широкий взгляд на целую эпоху истории её полноправного участника, сотворца.

Объём книги достаточен для обозрения богатыми событиями и знакомствами долгой жизни — под 50 авторских листов. Текст смонтирован из нескольких категорий источников: журнальных, газетных и сетевых интервью автора; его полувековой переписки с друзьями и коллегами (до полусотни адресатов и респондентов из разных городов и стран); выдержек из его же статей и книг; наконец, из нескольких посвящённых ему коллегами работ. Всё это публикуется без поправок, как при первых изложениях,

изданиях, а необходимый комментарий и дополнения к документам содержатся в переслаивающих их собственно воспоминаниях, написанных Л.С. Клейном несколько лет назад. Для человека, разменявшего девятый десяток лет, время вполне мемуарное.

Многие историки оставили мемуары. Видать, профессия подталкивает их на склоне лет оглянуться. У некоторых они вышли ещё при жизни, причём не одним изданием (Дружинин, 1966; 1974); у других посмертно (Иностранцев, 1998; Кондаков, 2002). Кое-кто завещал свои автобиографические рукописи опубликовать после смерти, но наследники не смогли или не захотели этого сделать (лежат в семейном архиве уникальные для историографии записки А.А. Зими́на ³). Археологи обзревала свой жизненный путь пореже (заняты больше кабинетных специалистов: летом — в поле, зимой — в камералке), но и в этой области воспоминания имеются; конечно, различаются и масштабы фигур мемуаристов, и, главное, степень их откровенности, наблюдательности. Одни рассказывали об истории создания и деятельности научных школ (Пиотровский, 1995); другие о том, кто и как

³ Наконец-то опубликованы неустрашимой Анной Леонидовной Хорошкевич: Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., Аквариус, 2015. 440 с. 300 экз.

такие школы и их участников уничтожал (Гуревич, 2004); и то, и другое применительно к одному и тому же времени и месту. Чаще всего самые драматичные моменты, наиболее острые конфликты сглажены. Примерно с такой типичной мотивацией: «Я сознательно уклоняюсь от оценки деятельности Р. в качестве начальника отряда. Все персонажи живы, и раны задетого самолюбия кровоточат» (Ковалёва, 2008. С. 155).

Автобиография Л.С. Клейна этими мемуарными топосами не страдает. Он скрупулёзно следует завету поэта (Е.И. Винокурова): «Я всё занесу на скрижали, / железную точность храня — / и то, как меня обижали, / и то, как жалели меня». В книге немало критических, негативных суждений о многих людях и их поступках. Почти все они поименованы, и лишь в отдельных случаях ещё вроде бы живые персонажи скрыты за прозрачными для специалистов инициалами. Но автор не скупится и на похвалы, искренно восхищаясь столь же большим числом современников — и старших, и младших. Это подкупает читателя. Тем более что высказаны-то упрёки лишь в связи с конкретными эпизодами академической или университетской жизни. За поступки, а не за характеры. А вот в мемуарах одного моего знакомого коллеги, далеко не старого ещё философа, конечно еврея, заключительная глава так и названа — «Враги»⁴. И это помимо брани по адресам ближних и дальних, щедро рассыпанной по всему предыдущему изложению (Тульчинский, 2007).

Костяк книги Клейна составляют документы — живые диалоги, откровенные письма, иные отзывы участников событий. Текст весьма органично объединяет вполне академический нарратив, философическую аналитику с уместной для разного читателя популяризацией и даже публицистичностью. Весь этот сплав стоит на грани с художественным произведением, то и дело напоминая роман с замысловатым сюжетом.

Хотя основа книги документальна, но эти «документы и материалы» отобраны и прокомментированы исключительно самим мемуаристом. Попытка издателя (Сергея Эфроимовича Эрлиха, хозяина фирмы «Нестор-История») и привлечённого было им на роль редактора анонима заставить мемуариста однозначно ответить на некоторые вопросы о его личной жизни была автором жёстко пресечена (и эта беседа, правда, пополнила текст воспоминаний). Не нашёлся ещё редактор на старину Клейна! К тому же в текст многих написанных им давным-давно работ и произнесённых по разным поводам интервью теперь сделаны поясняющие вставки (в квадратных скобках). Таким образом, перед нами почти целиком самооценки, личные мнения, авторские суждения, только заготовливавшиеся будущим мемуаристом как бы впрок, когда придёт пора их монтажа в целостную ретроспективу его жизни. Документы и материалы иных

⁴ См.: *Щавелёв С.П.* ЛГУ. Философский факультет. 1970-е. Заметки сознательного попугайчика // *Вспоминая философский факультет...* / Сост. *Б.В. Марков, А.В. Малинов.* СПб., Санкт-Петербургское философское общество, 2015. С. 332–347.

инстанций, особые мнения упоминаемых лиц могли бы серьёзно скорректировать показ тех или иных моментов истории советской и российской археологии. Но требовать подобной широты от автора воспоминаний никак нельзя. Это дело возможных рецензентов, других мемуаристов. Правда, всё меньше остаётся на свете тех, кто мог бы «после драки (с Клейном) помахать кулаками». А десять, двадцать лет назад эта книга наверняка вызвала бы шквал поправок, опровержений. Сегодня наступило время равнодушия. К счастью, не тотального (раз я пишу эти строки, в конце концов).

Как объясняет автор, название для книги (кому-то оно покажется кокетливым, даже вызывающим) родилось случайно. Когда-то он назвал свою рецензию на английский сборник археологических статей «Трудно быть богом», проводя аналогию между участниками сборника и героем самого известного романа братьев Стругацких. Кто-то из московских коллег зло пошутил, пустив слух, будто Клейн выпустил автобиографию и так её назвал. Шутка запомнилась, и когда дело действительно дошло до издания воспоминаний, автор озаглавил их «Трудно быть Клейном». По-моему, удачно: жизнь учёного по любым, а не только академическим меркам и вправду была тяжела. А он и не пытался её облегчить, то и дело обостряя отношения с коллегами и с начальством, когда этические принципы обеих сторон не позволяли идти на компромисс. Читатель теперь может убедиться, какие нечеловеческие трудности пришлось преодолеть еврейскому пареньку из провинции, чтобы стать и всегда, до конца быть исследователем, преподавателем в северной столице. Добиться признания на Западе. В условиях полуофициального, но твёрдого антисемитизма и прочих общественных коллизий пред- и послевоенной поры. И, наконец, получить признание в первопрестольной Москве, которая в лице уважаемой «Российской археологии» отметила его юбилей.

Иной читатель скажет: «Подумаешь! А остальной народ-то ещё больше пострадал! Сколько народу не вернулось с фронта, из лагерей...» Но учтём: речь-то идёт об учёном, мыслителе. Выжить физически это одно; сохранить в рабочем состоянии интеллект и волю к его использованию в любых условиях — совсем другое. Это знает любой соотечественник, кто служил в армии, исключался из партии, менял род занятий и место жительства, тяжело болел. А Лев Клейн не утратил воли к познанию, мышлению и последующему изложению своих мыслей, выводов ни на одном из этапов своего ухабистого пути по жизни. Вот тут главный урок его воспоминаний. Причём жалобности в названии итоговой книги не слышится. Прочитывается законная гордость человека, сделавшего значительную часть жизни по собственным принципам. Ради этого преодолевшего свинцовый пресс на роду написанной судьбы. Действительно, было. Было трудно. Особенно Клейну. Порой запредельно. Но помешать ему трудности не смогли. Ученики, поклонники его обожествили. Так что в самом деле «трудно быть Клейном». Но почётно.

И вполне заслуженно. Теперь Клейн — академический бренд. Его статьи и книги пошли в печать нарасхват. Что ж, «ты победил, галилеянин»?..

Сегодня уже мало кто из молодых читателей поймёт, как вызывающе смело ему было сознательно остаться по паспорту «Самуиловичем» в те времена, когда тысячи его тёзок становились «Семёновичами» (Как Вульфы, допустим, «Владимирами», Мендели — «Михаилами»; а те же Клейны — «Маловыми» или т.п.).

Добавлю удивительную для меня лично подробность: наш мемуарист никогда не пользовался бытовыми транквилизаторами, то есть не пил и не курил. Академик Б.А. Рыбаков говаривал: «Наши археологи пьют как бурлаки. Но и работают они как бурлаки». Почти все самые даровитые ученики и коллеги Клейна из более молодых поколений ленинградских археологов бездарно допились до смерти или увольнения с работы. А в их жизни не случалось таких ужасных коллизий, как у их наставника. Она текла по накатанной колее. А вот поди ж ты... «Это школа дяди Лёвы Клейна / дяди Лёвы Клейна вам говорят...» пели они по молодости на студенческих капустниках. Но Клейн учил их работать, а не глушить водкой непонятного происхождения тоску. Да что там душевные муки! Даже тяжелейшая болезнь не остановила работу Льва Самуиловича. «Человек из железа» (1981), был такой польский фильм (Анджея Вайды). Получается, главную победу в своей жизни Клейн одержал над самим собой. Как настоящий «прогрессор».

Интересно, Борис Стругацкий не задумывался о защите авторских прав на такое название, как у клейновских мемуаров? Это его дело, а мы вправе углубиться в метафору. С целью скромного сеанса литературного психоанализа клейновского личного казуса. Под «богами» в данном случае наши замечательные фантасты имели в виду участь так называемых «прогрессоров» — далеко вперёд продвинутых культурно личностей, заброшенных в чуждое им архаичное общество. Возможно ли такому «засланному казачку» исправлять там нравы? А безупречен ли морально сам «прогрессор»? Жизнь и судьба Льва Самуиловича Клейна действительно чем-то похожи на миссию дона Руматы Эсторского (Стругацкий, 2003. С. 99–114). Реальному Клейну на каждом этапе его жизни приходилось сталкиваться с окружающими его сообществами — семейным, школьным, университетским, академическим, лагерным, общественным, государственным, сетевым в Интернете. Каждое ломало его под себя, а он им всем бросал вызов. То молча гнул свою линию, то гласно с общественной трибуны, в печати клеймил супостатов. Но никогда не бежал с арены конфликта. Это-то и было трудно: не подчиниться диктату среды, но и не выпасть из неё. Что означало бы небытие как учёного, мыслителя, то есть профессионала. А если по вине всемогущих противников и выпасть на время, то использовать навязанную врагами паузу для возвращения в профессию, порой триумфального.

«Ещё никто не бросал мне моего оружия и не говорил "Беги!"», заявлял персонаж культового среди советских подростков голливудского фильма

1960 года «Великолепная семёрка» Бритт (как и наш Клейн, владевший разными видами оружия — и кольтом, и винчестером, и метательным ножом...) (роль Джеймса Коберна).

Так доцент исторического факультета ЛГУ Клейн на исходе СССР не просто пережил несправедный суд, тюремную камеру и лагерный барак, а назначил себя наблюдателем, социологом «перевернутого мира» (точь-в-точь как герой Стругацких на чужой планете) и по выходе на свободу опубликовал замечательные работы о режимном социуме. А вдобавок занялся филологией гомеровского эпоса и по этому вечному источнику выпустил несколько увесистых книг, теперь учитываемых специалистами. Железная логика: кто, как не археолог, специалист по индоевропейским раскопкам, способен со стороны понять и переоценить лингвистику «Илиады»? «Бессонница, Гомер, тугие паруса» были нужны ему для того, я думаю, чтобы никто из оставшихся на свободе коллег не мог подумать, что режим сломал личность Льва Клейна, изгнанного из университета, оторванного на время от археологических источников. Но этот личный мотив остаётся «за кадром» автобиографического повествования, а к свидетельствам именно научного успеха этого исследования я могу добавить свой случай: мой добрый друг, глава курской школы кросскультурной лингвофольклористики, составитель уникального словаря языка русских былин и народных песен профессор Александр Тимофеевич Хроленко просил у меня клейновскую «Анатомию Илиады» и по прочтении отзывался одобрительно; признавался, что кое-что усовершенствовал в своей компьютерной методике анализа народных былин да песен благодаря этой работе.

Вряд ли Л.С. Клейну, как и любому другому по жизни «прогрессору», удалось поменять советские устои в школе, университете, экспедиции, концлагере. Все его первые ученики жили-поживали по вполне советским правилам; кое-кто из них даже делал карьеру в парткоме или же вскоре на «демократической платформе». Точно так же теперь один из «научных внуков» Льва Самуиловича приторговывает находками «чёрных археологов», в Интернете рассуждая об охране памятников. Какое время, такие песни. Но сам Клейн не пел в хоре своих современников, сотрудников. В науке он солировал. Этим и оправдана самопровозглашённая им в заголовке книги метафора «прогрессорства» в его прошлой, настоящей и будущей жизни.

Какие-то моменты личных поражений, унижений наверняка вольно или невольно забыты, опущены мемуаристом. Будучи родом из Магадана, я сомневаюсь, в частности, в том, что Лев Самуилович был уж в таком авторитете на зоне, как он расписывает. А поучившись на философском факультете Ленинградского университета в 1970-е годы, защитив там впоследствии две диссертации, я прекрасно понимаю, как подвёл Лев Самуилович своих доброжелателей с этого факультета. Они взяли его, что называется, с улицы, безработного с непогашенной судимостью, без степеней и званий, на профессорскую должность, а он взял да укатил с

гастрольными лекциями за рубеж, оставив вместо себя читать лекции по культурной антропологии какого-то паренька с исторического факультета. Мемуарист, конечно, оправдывается. «Мелкие придирки». «Почёл за лучшее подать заявление об уходе» (уже будучи уволенным, я думаю, за прогулы). Ну, что ж, у каждого из нас на бытовом уровне своя правда. Но почему, подводя скрупулёзные итоги жизни, не покаяться пару-тройку раз, не извиниться перед некоторыми коллегами?.. Прогрессорам такое, очевидно, «в лом».

Современники и участники описываемых в книге событий могут найти другие примеры натяжек и передержек, неминуемых в любых воспоминаниях. Но не в них дело. Мемуарист ведь и не скрывает, что ничто человеческое ему не чуждо. Даже и не совсем человеческое. Мой учитель, которого Лев Самуилович по праву именуется своим приятелем (с. 599), Александр Александрович Формозов много спорил с ним по разным вопросам истории советской археологии. Но никогда не подвергал сомнению авторитет «приятеля-оппонента». Мои хулы по адресу Клейна Формозов неизменно просил убрать из вёрстки курских изданий. А тот в ответ на критику Формозова написал «ответ профессора сыну профессора». Напрасно так назвал свой ответ, позлился. Едва ли не единственный раз в своей долгой борьбе с оппонентами. Ваковский аттестат профессора, лежащий в комод у Клейна, ничего не значит перед их с Формозовым одинаковым авторитетом в археологическом сообществе. По-моему, это опять еврейское, веками гонений ущемленное самолюбие: «Вот она, бумажка от государства, которое нас притесняло! А у «местных», «родных» такой нет...» Впрочем, может, я и наговариваю на старших коллег.

Главное в другом. Почти по всем крупным темам исторической археологии, которыми Л.С. Клейн за свою долгую жизнь занимался, им были подготовлены объёмистые монографии, опубликованные в 1990 – 2010-е годы или находящиеся сейчас в печати. Так что пронесённый учёным на пределе дыхания в новую страну, иной социум урок жизненной борьбы пригодится новым поколениям «прогрессоров». Пусть им захочется «быть Клейном» (только не во всех, конечно, его проявлениях).

Повествование в книге начинается с раннего детства будущего учёного, развивается по основным этапам его биографии вплоть до дня сегодняшнего. Последняя, восьмая часть книги называется «Итоги». А затем ещё ряд приложений, где ставится диагноз археологии, науке вообще, всей сегодняшней России. Сын врача Соломона Клейна Лёва был всем антуражем советской жизни обречён стать таким же врачом или же школьным учителем, в лучшем случае — рядовым вузовским преподавателем, как его старший брат. Но как Лев Самуилович ни любит, ни хвалит свою родню, нам-то ясно как далеко он сам «улетел» от неё — в международный «космос» науки и элитарной культуры. Может быть, здесь кроется комплекс его «всеполющенности», чуждый многим его коллегам, вполне соразмерным с Клейном по научному масштабу, но не оставивших столь детальных

воспоминаний. Они сами себе всё доказали, а оценки их наследию пусть делают другие. Лев же Самуилович такого важного дела никому не доверил.

Повествование о жизненной повседневности автора (семейно-домашней, школьной, солдатской ⁵, студенческой, аспирантской,

⁵ Раза три перечитав рассказ мемуариста о том, как он поехал на фронт вроде бы добровольно, шестнадцати лет в 1944 году, я так ничего в этом рассказе и не понял. Вроде Лёва Клейн (1927, напомним, года рождения) каким-то «вольнонаёмным», «табельщиком военно-строительной части» (?) повоевал, а вроде бы и нет. Документов не сохранилось. «Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей», сказал поэт о погибшем красноармейце. А тут «ни петлички, ни лычки» у вроде бы контуженного и поэтому на время потерявшего зрение вольнонаёмного Клейна, о чём он зачем-то вспомнил на старости лет. Меня задевает эта невнятность, поскольку на философском факультете ЛГУ нас учили ветераны Мировой войны, ушедшие на неё добровольцами, едва достигнув призывного возраста. Им не надо было предъявлять справки об участии в войне. Это участие было наглядно — потерями частей тела. Моим шефом в аспирантуре был Геннадий Алексеевич Подкорытов (1922–2018), пришедший с фронта без ноги под колено. Взрослую жизнь прожил на протезе и палкой практически не пользовался, только если спешил купить что-то в гастрономе без очереди, как инвалиду войны это ему полагалось. Выпивали мы на его даче под Лугой с его ближайшим другом Евгением Сергеевичем Кузьминым (1923 (на самом деле, а не 1921, как он сказал в военкомате, года рождения) – 1993), который командиром взвода разведчиков на боевом задании прокладывал своим товарищам безопасный путь по заминированному немцами полю и подорвался на mine. Его вытащили из-под шквального огня подчинённые. Он потерял ступню, а культю ему в госпитале несколько раз подпиливали, пока не зажили. Лекции нам, аспирантам, читали Сергей Григорьевич Шляхтенко (1925–1999) и Борис Владимирович Ахлибининский (1928–2006), оба после фронта слепые; первого на факультет водила жена, а второго — овчарка-поводырь. Шляхтенке немецкая пуля, попав сбоку, выбила оба глаза на третьем месяце его фронтовой биографии. А Ивану Фёдоровичу Смольянинову (1923–1983) немецкая пуля выбила всего один глаз, удачно заменённый на стеклянную модель. Меня он не жаловал, поскольку конкурировал с Подкорытовым за заведование кафедрой философии для гуманитарных факультетов. Среди прочих ленинградских ветеранов были и Моисей Самуилович Каган (1921–2006), ополченец, удостоенный ордена Отечественной войны и медали «За отвагу»; и Виктор Александрович Штофф, войну переждавший в тылу со справкой туберкулёзника. И решивший мою преподавательскую судьбу — его голос перевесил при рекомендации к защите моей кандидатской диссертации — Василий Филиппович Сержантов (1919–1998), призванный из Сибирского военного округа, штурмовал Венгрию, Австрию и Германию, где и был тяжело ранен. На сайте нынешнего «Института философии» (на самом деле — философского факультета) СПбГУ охарактеризованы подвиги более чем сотни ветеранов Великой Отечественной войны. Между прочим, добрая треть их — евреи. Все они пошли в военкомат, и их призвали в действующую армию, а Лёва Клейн в военкомат не пошёл. Вовремя проявил инициативу вольнонаёмности — чтобы поскорее демобилизоваться, если выживет, поясняет он теперь доверчивым журналистам.

А вот мой первый учитель философии — Марк Абрамович Степинский ушёл на войну из знаменитого московского ИФЛИ как положено, через военкомат. И на его фронтовую травму — отслоение сетчатки глаз в результате службы в полковой разведке, переводчиком с немецкого, есть свидетели. Мой старший приятель профессор-филолог А.Т. Хроленко ребёнком сидел в сарае после отхода немцев из их городка и увидел советский танк, влетевший в освобождаемый населённый пункт. Так на броне того танка

преподавательской, экспедиционной, тюремно-лагерной, загранично-лекторской, писательско-книгоиздательской; наконец, даже опять вроде бы семейной ⁶⁾ перемежается рассказом о тех крупных научных проблемах, в решении которых автор участвовал, так сказать, на монографическом уровне. Хотя всем специалистам — археологам, историкам, филологам, прочим гуманитариям — эти объёмистые книги Л.С. Клейна известны, просто перечислю их, согласно канонам рецензионного жанра (с указанием итоговых книг на каждую тему, опуская массу статей и докладов по ним же):

- Индо-арийские штудии, начавшиеся с раскопок и атрибуции древностей эпохи бронзы южнорусских степей («Время кентавров», 2010);
- Варяжский вопрос, борьба с вульгарным антинорманизмом («Спор о варягах», 2006);
- Археологическая теория и методология («Археологические источники», 1978; 1995; «Типы в культуре», 1979 (составитель и редактор); «Введение в теоретическую археологию», 2004);
- Субкультура советского концлагеря («Перевернутый мир», 1993; 2011);
- Археология гомеровского эпоса («Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады», 1994; «Анатомия Илиады», 1998);
- Славянское язычество («Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества», 2004);

сидел-таки лейтенант Марек Степинский... Вот это я понимаю, а фронтовой рассказ Клейна не понимаю.

А вот археолог Леонид Романович Кызласов (1924–2007) тоже доброволец, воевал танкистом, трижды горел в танке, на него дважды отправляли похоронки родителям, но он, потеряв руку, и после других тяжёлых ранений вернулся с войны, долго лечился в госпитале. Этот мужественный человек вспоминал, что самыми страшными для него показались две недели, когда он, чудом спасённый, лежал в госпитале и не мог открыть глаза, настолько опухшим было его обгоревшее лицо, думал: «Неужели больше не смогу видеть?»

Его дочь, тоже известный историк Ирина Кызласова писала мне на обсужаемую тему: «Мне ли не понять, о ЧЁМ вы пишете. Мой папа (несколько раз дико горевший в своем Т-34) иной раз называл себя "ошмётком кровавого обеда". А в нашем ведомственном (от МГУ) доме жили сотрудники разных факультетов МГУ, кто без рук, без ног, слепые... А иные господа в эвакуации писали докторские... (имена опускаю), а иные фронтовики возвращались, сохранив и руки и ноги, поскольку служили в заградотрядах... Велика Россия! Вот такие эмоции 22 июня».

«Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустою душой», написал в той же связи Михаил Кузьмич Луконин (1918–1976).

См. подробнее: *Барabanов В.Ф.* Они сражались за Родину. Универсанты в годы войны и послевоенные годы. СПб., изд-во СПбГУ, 1992; *Бережной А.Ф.* Они сражались за Родину. Универсанты в годы войны и в послевоенные годы. Вып. 3. СПб., изд-во СПбГУ, 1997.

⁶⁾ Как тут не вспомнить обещания старины Алана Квотермейна не упоминать в рассказе о копиях царя Соломона ни одной юбки... (King Solovon's mines by Н. Rider Haggard. Moscow, 1972. P. 3).

- История русской, советской и мировой археологии («Феномен советской археологии», 1993; «История мировой археологии», «История российской археологии» в двух томах, 2014);

- Состояние, проблемы и перспективы российской науки сегодня («Муки науки», 2014).

Если бы каждый из нас реализовал какой-то один из этих проектов, его по праву считали бы выдающимся учёным.

А в научном багаже Клейна есть и немало других, по тем или иным относительно частным темам, публикаций. Читатели его мемуаров могут и о них в подробностях узнать (об археологических признаках миграций; происхождении славян; наконец, личные впечатления о разных учёных — от Н.П. Кондакова, включая В.И. Равдоникаса, вплоть до Б.А. Рыбакова, с которым он однажды пообедал в столовке ЛОИА). Впечатление читателя, как у героя булгаковского «Театрального романа» Максудова, вводимого в любимый театр: «Не хотите ли посмотреть нашу галерею портретов в фойе? От Мольера до Нерона ("... Был певец и артист")».

Неистовый темперамент, широта интересов этого археолога очевидны и по нескольким разновременным его публикациям в научно-популярных изданиях вроде «Знание — силы», «Наука и жизни», «Природа» и т.п. Теперь эту неизбежную тягу к паблисити вполне утолил Интернет (периодическая колонка в «Троицком варианте», широко смотрим остатками нашей интеллигенции, и на нескольких других научно-популярных сайтах).

Впрочем, даже при неповторимой тщательности в подведении своих жизненных итогов, и у пунктуальнейшего Л.С. Клейна в его итоговом труде встречаются пробелы. Так много он написал, что всего и не упомянуть. Например: Клейн Л.С. Троянская война в эпосе и в истории // Кравчук А. Троянская война. Миф и история / Пер. с польск. М., 1991. Это послесловие опущено в списке трудов. Наверное, потому что польский автор написал свою книгу на ту же самую тему, что и Клейн.

Именно событийная, личностная подоплёка подготовки и реализации всех этих научных проектов составляет главный читательский интерес в клейновских воспоминаниях. В их небольшом для знающего читателя остатке — сугубо личные моменты вроде несостоявшейся женитьбы или же многочисленных мужских дружб. Это уже, как говорится, на любителя. Но не тогда, когда общение велось с такими значительными людьми, как, например, Александр Александрович Формозов (1928–2009). По их щедро цитируемой переписке, припомненным мемуаристом фрагментам личного общения, читатель опять-таки получает незаменимый урок «единства противоположностей» в науке и жизни. Всё на свете должно было вдрызг рассорить этих почти ровесников, ленинградца и москвича, еврея и русского, разночинца и профессорского сына, ан нет — они десятилетие за десятилетием общались, переписывались; на старости лет немало побранились в печати по поводу истории советской археологии, но сохранили взаимное уважение, дружескую приязнь, возникшую более

полувека назад у экспедиционного костра. Вообще, как видно по мемуарам, включая их подтекст, у автора друзей было не меньше, чем врагов. Отчасти и поэтому он сумел, хотя и с трудом, «быть Клейном».

Любого непредвзятого читателя должны подкупить такие достоинства мемуариста, как спокойный взгляд на жизнь, взвешенность оценок. Не падать духом при неудачах, даже катастрофах; не упиваться успехами, не почивать на лаврах. Всегда и всюду продолжать работу. Не страдать ненавистью к недоброжелателям, даже к тем, кто постарался поломать его судьбу, и не раз. Такое кредо видно не на словах рассказчика, а по фактам — его поступкам, публикациям. При оценке одних и тех же лиц и ситуаций отмечается, как правило, и плохое, и хорошее. С авторской точки зрения.

Разумеется, многим компетентным свидетелям и участникам тех жизненных коллизий было бы, что сказать в своё оправдание и в чем-то обвинить самого мемуариста, но взвешенность его повествовательного тона от этого не снижается. Само собой, суждения и оценки автора носят, как правило, субъективный, а на чей-то взгляд и пристрастный, односторонний характер. Эти воспоминания наверняка столкнутся с молчаливым несогласием, а то и со страстными возражениями тех, кто был причастен к описываемым событиям. Правда, «иных уж нет, а те далече» от старческой нормы. Но автор воспоминаний имеет право (а на мой взгляд, и обязанность) на свой собственный взгляд назад, в прошлое, как и несогласная с ним по тем или иным поводам часть читателей.

Чтобы и мой отзыв не показался панегирическим (чего сам мемуарист на дух не выносит), затрону некоторые сомнительные, спорные, на мой личный взгляд, моменты изложения.

Одним из лейтмотивов книги звучит тема учительства и ученичества. Она, как известно, служит одной из самых заветных, частотных во многих авторских версиях истории науки. Но не во всех. Упомянутый Александр Александрович Формозов не признавал официально назначенных учеников — никогда не руководил дипломниками, аспирантами, докторантами. Его последователи возникали сами собой — по переписке, при личном общении на конференциях, в кулуарах библиотеки, института. Замечательный философ Борис Васильевич Марков (между прочим, взявший в своё время опального Клейна на свою кафедру антропологии философского факультета СПбГУ) даже утверждает, что чем элитарнее учебно-научное заведение, тем меньше там чтят своих наставников. Лев Самуилович с этим не согласен и явно озабочен размножением своей научной свиты. Чему, заметим, её участники разных поколений только рады.

А ведь эта же самая тема учительства / ученичества столь же часто выступает предметом спекуляций морально сомнительного свойства. В учителя, либо в ученики учёные часто записывают или записываются произвольно, отбрасывая, замалчивая все опасности и противоречия данной биографической ситуации. Такого рода преувеличения есть и у этого мемуариста. Слов нет, Л.С. Клейну повезло на нескольких выдающихся

учителей, а сам он научил мыслить историко-археологически ещё больше замечательных специалистов. Можно смело говорить о петербургской школе Клейна, имевшей несколько подгрупп и поколений археологов и историков древних обществ. Это признали сами их представители (Археолог: детектив и мыслитель, 2004). Тем не менее в целом ряде случаев эта же самая тема затрагивается в мемуарах явно произвольно, без учёта качественно разных градаций соответствующего явления.

Начать с того, что одним из своих учителей автор воспоминаний объявляет В.Я. Проппа. На том основании, что тот дал положительный отзыв о его контрольной работе студента-заочника, а к отзыву добавил двухстраничное письмо с разбором достоинств и недостатков этой работы. Что ж, эпизод действительно исключительный для нашей высшей школы, как со стороны студента, так и со стороны преподавателя. Студент Клейн молодец, что написал столь объёмистую и детальную работу на самостоятельно выбранную тему «Медведь в народной сказке, языке и обряде»; профессор Пропп умница, что не ограничился рутинной рецензией на неординарную работу заочника, но отозвался на неё с душой, позаботившись наставить юношу на путь избавления от дилетантизма. Эпизод, заслуживающий упоминания в мемуарах. Но при чём тут учительство / ученичество? Сколь долго и по существу ли они потом общались? Если вдуматься, так даже далеко не все аспиранты самого В.Я. Проппа могут считаться его учениками. Коли разобраться, у Проппа был один-единственный любимый ученик — Юрий Иванович Юдин (1938–1995). Вот это засвидетельствовано документально. Пропп оставил несколько высоких оценок Юдина-аспиранта в своих дневниках, наконец опубликованных («Вчера был аспирант Юдин. Он сильнее всех, кто пишет докторские ... Я с ним разговорился. Потом играл ему Шуберта и Бетховена. ... // Неизвестный В.Я. Пропп, 2002. С. 296). Юдин, на пороге смерти от неизлечимого недуга, опубликовал тёплые воспоминания о любимом учителе (Юдин, 1995).

Л.С. Клейн объясняет нескольким иностранным интервьюерам, где именно он потом применял структуральный подход «а ля Пропп» в своих работах. Так его же применяли десятки читателей структуралистских сочинений, вовсе не претендующие считаться учениками Проппа или, допустим, Лотмана. А вот стоит взглянуть на ключевую библиографию Ю.И. Юдина, и всем ясно, чей он ученик: дипломная работа «Принципы изображения былинного героя» (1961); кандидатская диссертация «Поэтика русского героического эпоса» (1967); докторская «Русская народная бытовая сказка» (1979, опубликована посмертно). Хотя по сути их с И.Я. Фрояновым оценок русского героического эпоса от установок Проппа они ушли далеко. Но так почти всегда бывает в истории науки: ученики уходят от своих наставников куда-то дальше, иначе наука зайдёт в тупик.

«Я считаю Ю.И. Юдина, — писал академик Д.С. Лихачёв в 1993 году, — принадлежащим к тройке самых значительных фольклористов в нашей

стране». Вот это документ, подтверждающий истинную преемственность поколений в отечественной фольклористике.

Настоящим учителем Клейна был М.И. Артамонов; немало было мемуаристом взято и у других археологов — и полевиков, и теоретиков (в чем сам мемуарист не всегда открыто сознаётся, но внимательный читатель отметит фактическую преемственность археологических поколений).

Совсем уж щедрой рукой мемуарист вербует себе учеников. Значительная часть таковых и по существу своих судеб и работ, и по собственному ощущению согласятся встать «под знамёна» Клейна. Но далеко не все. Спросим, например, у покойного М.Б. Щукина. На задней странице обложки его итогового труда есть справка «Автор об авторе». Там внятно сказано: «Моими учителями были М.И. Артамонов, М.А. Тиханова. Слушал лекции Л.Н. Гумилёва» (Щукин, 2005. С. 577). Лев же Самуилович напоминает, что Марк Борисович был сначала его помощником в экспедиции, и вообще «проходил становление под моим руководством» (С. 251) («Проходил становление» сказано как-то по-одесски, но мысль ясна: Щукин, пойми, ты — и мой тоже ученик). Что и провозглашается напрямую почти на трёхсотой странице воспоминаний: «Ещё один мой ученик — М.Б. Щукин» (С. 298) и потом ещё несколько раз. Такая вот подводка читателя: «помогал в поле» — «испытал влияние на факультете» — «стал учеником». Получается, все студенты, которым я читал лекции — мои ученики?.. В каком-то смысле, пожалуй.

Когда моего сына Алексея после окончания исторического факультета МГУ рекомендовали в аспирантуру, а он не хотел там оставаться, профессор Владимир Иванович Моряков обронил фрагмент еврейского анекдота: «Может, мы самого Мойшу спросим, хочет ли он играть на скрипке?»

Ну, да ладно, «кто любит дыню, а кто» учительствовать.

Редкая, завидная, на мой вкус, особенность этих воспоминаний состоит в том, что они не ограничиваются прошлым. Последние разделы книги (глава восьмая «Итоги» и замыкающие издание Приложения) посвящены настоящему и будущему.

Как почти всегда случается в эпоху компьютерной вёрстки, в книге заметны опечатки. Их-то легко исправить, а вот объяснить автору, что определения в именном указателе к его книге, явно им самим и составленным — «советский», «российский»; «московский», «ленинградский» и т.п. — выдают с головой некие неизжитые комплексы — вряд ли возможно. По-моему, такого рода отсылки уместны только применительно к нашим иностранным коллегам.

На последней, технической странице в подзаголовке издания отсутствует последняя буква. Может, это невольный (по Фрейду) символ? (Возможного переиздания с исправлениями и дополнениями?).

Как бы там ни было, воспоминания Льва Самуиловича Клейна разойдутся в количестве куда большем, чем объявленный их полутысячный тираж. Их читают и будут читать, а большей похвалы для книги на, в общем-то, специальную тему, я лично не знаю.

Литература

1. Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвящённых 77-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалёв, О.А. Щеглова, 2004. СПб.
2. Гуревич А.Я., 2004. История историка. М.
3. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.
4. Иностранцев А.А., 1998. Воспоминания (Автобиография). СПб.
5. Клейн Л.С., 2004. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология. СПб.
6. Клейн Л.С., 2010. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.
7. Ковалёва И., 2008. Жизнь, проведённая в могиле. Исповедь археолога. Днепропетровск.
8. Кондаков Н.П., 2002. Воспоминания и думы. М.
9. Неизвестный В.Я. Пропп, 2002. СПб.
10. Пиотровский Б.Б., 1995. Страницы моей жизни. СПб.
11. Стругацкий Б.Н., 2003. Комментарии к пройденному. СПб.
12. Щукин М.Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб.
13. Юдин Ю.И., 1995. Владимир Яковлевич // Нева. № 2.